

Фольклорные мотивы в юмористических рассказах М.-С. Яхьяева

Статья посвящена фольклорным истокам юмористической прозы М.-С. Яхьяева и их художественному воплощению в произведениях для детей. Цель исследования — выявить элементы устного народного творчества, получившие развитие в авторской манере писателя. Особое внимание уделено жанру устного рассказа, его композиции, диалогической структуре, лаконизму и связи с конкретными жизненными ситуациями. Исследование показало, что писатель творчески переосмысливает фольклорные приемы: живую разговорную интонацию, ситуативный юмор, гиперболу, обращения к слушателю, мотивы народных представлений — и подчиняет их задачам детской литературы. Анализ рассказов «Парикмахеры», «Крапива», «Колыбель», «Заноза» и «Один на один» позволяет установить, что комизм возникает из бытовых обстоятельств, детской непосредственности и столкновения наивного восприятия с реальностью. Юмор при этом выполняет не только развлекательную функцию, но и воспитательную. Таким образом, творчество писателя свидетельствует о сохранении и развитии фольклорных традиций в структуре литературного произведения.

Ключевые слова: М.-С. Яхьяев, кумыкский юмористический рассказ, детская литература, фольклорные мотивы, бытовые сюжеты, комизм, диалогичность

The article examines the folklore foundations of M.-S. Yakhyayev's humorous prose and their artistic representation in works for children. The study seeks to identify elements of oral folklore that are developed within the author's individual narrative strategy. Particular attention is given to the genre of the oral tale, its compositional structure, dialogic mode, conciseness, and its grounding in everyday situations. The paper argues that the writer reinterprets folklore devices — colloquial intonation, situational humor, hyperbole, direct address to the listener, and motifs rooted in folk belief and adapts them to the aesthetic and pedagogical objectives of children's literature. An analysis of the stories "Hairdressers," "Nettle," "Cradle," "Splinter," and "One on One" demonstrates that comic effect emerges from ordinary circumstances, childlike spontaneity, and the tension between naïve perception and reality. Humor thus serves not only an entertaining but also a formative function. The findings suggest that the author's prose reflects the continuity and transformation of folklore traditions within the framework of literary form.

Keywords: M.-S. Yakhyayev, Kumyk humorous prose, children's literature, folklore elements, everyday life, humor, dialogicity

Введение

Одним из наиболее распространенных жанров детской прозы М.-С. Яхьяева является рассказ, в котором фигурируют типичные народные персонажи, жизненные ситуации и мотивы, наполненные добродушным юмором и нравственным подтекстом. Писатель не только сохраняет элементы устного рассказа: разговорную интонацию, повторы, ритм народной речи, но и переосмысливает их в соответствии с задачами воспитания и особенностями детского восприятия. Детская проза М.-С. Яхьяева представляет собой синтез фольклорной и литературной традиций, где народное слово становится основой для формирования национально окрашенного художественного слова.

Важным элементом, сближающим рассказы М.-С. Яхьяева с фольклорным устным рассказом, является повествование о реально произошедших событиях. В.Н. Морохин полагал, что «устные рассказы — это впервые сообщенные, еще очень слабо выраженные в художественном отношении прозаические повествования о реальных событиях и делах людей, современником или непосредственным участником которых был сам носитель их» [1. С. 236]. В.Е. Гусев также обращает внимание на реалистичность содержания и на подачу текста как повествования о действительно произошедшей ситуации, предполагая, что устные рассказы «преломились и оформились в воображении рассказчика, приобретая элементы художественного вымысла и образное выражение, оказывающее эмоциональное воздействие на слушателя» [2. С. 129]. И.К. Кузьмичев в своих

исследованиях пишет, что рассказ представляет собой «документальные устные сообщения, которые не имеют признаков художественности» [3. С. 35].

Мы считаем справедливым следующее мнение В.Е. Гусева:

...границы между различными жанрами и видами устной прозы — между мифом и сказкой, преданием и легендой, сатирической сказкой и анекдотом, рассказом и преданием и др. — подвижны и относительноны потому, что в каждом из упомянутых жанров бытуют «типичные», «характерные» признаки. Именно поэтому порой сложно отнести произведение «переходного типа» к тому или иному жанру [2. С. 130–131].

Устные рассказы у кумыков формировались в ранние исторические периоды, задолго до появления письменности и книгопечатания. Но расцвет юмористических повествований и анекдотов приходится на XX в. Дагестанский фольклорист А.М. Аджиев в развитии этого жанра подчеркивает роль профессиональных сказителей, в том числе Аява Акавова, что не исключает взаимовлияния устных и литературных прозаических жанров:

...с литературным творчеством их роднит необычайно искусно <...> тонко разработанная система художественных деталей, штрихов, приемов, создание интриги, четкая композиция, их большая близость к реальности, к быту, к повседневной жизни, чем это наблюдается в бытовой сказке, анекдоте. Устный рассказ отличается от народных новелл в целом меньшим объемом, меньшей разработанностью сюжетных компонентов, связью с личностью рассказчика, выступающего в роли главного персонажа — участника событий [4].

Таким образом, свободная структура жанра и отражение в нем повседневной жизни способствовали его востребованности среди детей и органичному переходу в литературную прозу XX в.

Основная часть

Юмористический рассказ, являясь жанровой разновидностью устного рассказа, основывался на характерных фольклорных элементах: на живом, непосредственном общении с аудиторией, использовании компонентов комического, иронического гиперболизма, а иногда на сатирическом представлении обыденной действительности. В фольклорных юмористических рассказах выражалась народная мудрость и житейская наблюдательность, что способствовало их воспитательной и познавательной направленности. В центре тематического и сюжетного разнообразия этих рассказов стоял простой народ, его быт, мировоззрение. Для устных юмористических рассказов был характерен ситуативный юмор, возникавший из неожиданных поворотов сюжета либо высокой степени нелепости и курьезности персонажей. Шуточные истории были исключительно лаконичными: комический или поучительный эффект достигался посредством меткой психологической детали, содержащейся в заключительной реплике одного из персонажей.

В устных юмористических рассказах кумыков высмеивались человеческие изъяны и социальные пороки и поощрялись добродетели. Обличались невежество, праздность, надменность, прожорливость, лицемерие и пренебрежение традициями кавказского гостеприимства. Наряду с этой сатирико-юмористической направленностью в рассказах присутствовал более мягкий, простодушный юмор, часто раскрывающийся через детскую непосредственность и находчивость. Последнее и находит свое развитие в литературном творчестве М.-С. Яхьяева.

Юмористические рассказы М.-С. Яхьяева сохраняют комическую природу фольклорных текстов, а также выполняют образовательную и развлекательную функцию, что особенно важно в детской литературе. Сборник рассказов «Непоседа» («Тынчтурмас») [5] включает в себя истории из жизни детей, изложенные от первого лица. Как правило, такой тип повествования создает эффект автобиографичности, что однозначно располагает читателя.

Многие рассказы М.-С. Яхьяева имеют элементы, характерные для устных юмористических рассказов: в текстах присутствуют частые повторы, прямые диалоги, типичные для народного рассказчика конструкции: «*муна тынглап къара*» («вот послушай-ка»), «*ол не этме сюегенни билме*

болмасам да) («хоть я и не смог разузнать, что он хочет сделать»). Все это создает эффект обращения к аудитории, характерный для традиционного аульного рассказчика или сочувствующего очевидца. Такое повествование не просто рассказывает о событиях, а как бы разыгрывает их перед слушателем, что типично для фольклорного нарратива. Персонажи не индивидуализированы психологически, а представлены как носители устойчивых социальных и возрастных ролей: *Ажай* (бабушка) — воплощение народной мудрости, хранительница веры и традиций; дети — символ наивности, чистоты и несформировавшейся личности, которая должна пройти испытание. Среди персонажей есть и носители житейской смекалки и бытовой хитрости, что типично для фольклорных произведений.

Зачастую у М.-С. Яхьяева комическое начало проявляется в юмористических рассказах, повествующих об обыденных семейных обстоятельствах. Известно, что дома царит особая атмосфера доверия, тепла и, что неудивительно, легкой иронии. Именно здесь юмор приобретает воспитательное звучание, помогая раскрыть характеры детей через их простодушие, порой неловкие, но искренние поступки.

Одним из таких произведений является рассказ «Парикмахеры» («Деллекчилер»), построенный на сюжетной ситуации, близкой и понятной каждому ребенку: попытке двух братьев подстричься самостоятельно. По инициативе младшего вместо того, чтобы пойти в парикмахерскую, озорники покупают конфеты. С первых строк повествования упоминается народное суеверие: в детстве волосы ребенка старались подстригать как можно чаще, чтобы в дальнейшем они росли гуще. В тексте возникает атмосфера домашнего быта: традиция ежемесячной стрижки, разговоры с отцом, детские обиды и радости.

Комизм рассказа строится на бытовом недоразумении — желании детей действовать по-взрослому. Братья решают сэкономить деньги, предназначенные для парикмахера, и подстричь друг друга самостоятельно. Юмор возникает не из нарочитых эффектов, а из естественных ситуаций, детской логики и доверчивости. Маленький Гамит, предлагающий использовать неисправную машинку, и старший брат, колеблющийся между здравым смыслом и нежеланием уступить, создают характерную для детской прозы ситуацию — противоречие между наивностью и стремлением к самостоятельности.

Легкость и выразительность тексту придают диалоги братьев, их короткие эмоциональные реплики, передающие живую разговорную речь. Особенно выразительны сцены, где дети спорят, обижаются, ругаются и тут же мирятся. Автор точно передает психологию детского поведения. Через комическую ситуацию раскрывается тема доверия между детьми и взрослыми: ошибка превращается в жизненный урок, но без назидательности. М.-С. Яхьяев использует элементы устной повествовательной традиции, превращая повествование в легкий литературно обработанный рассказ.

Фольклорные мотивы в юмористических произведениях М.-С. Яхьяева проявляются не только в композиции, но и в ситуациях, в которых оказывается рассказчик. Тексты нередко строятся как воспоминания, насыщенные диалогами, восклицаниями и эмоциональными повторами. К таким произведениям относится рассказ «Крапива» («Къычыткъан»), основанный на бытовой ситуации, характерной для сельской среды.

Во время прогулки со своим городским другом на окраине села рассказчик замечает густо растущую вдоль забора крапиву и с гордостью демонстрирует Пете, как ест ее, уверяя, что растение «очень вкусное» (*«Кёп татывлу зат»*). Простодушное желание героя удивить городского мальчика становится основой добродушного юмора. Реплика Пети: «Ты что, дурак? Ты чего, как животное, всякую траву ешь?» (*«Авлия болгъанмысан? Гъайван йимик къайдагъы халталаны ашаймысан?»*) [5. С. 17] — передает интонацию живой разговорной речи. Обращения и междо-

метия: «Ах, как же она жжет, проклятая!» («Огъ, нече де бек кычытдыра, хужу!»), «Да оставь ты ее!» («Къойсана шону!»), «Чего охаешь?» («Неге эгыллейсен?»), «Прям уж вкусная» («Дюрдюртатывлу»), «Ты где? Сквозь землю провалился!» («Къайдасан? Ер ютуп къалдын!») — создают эффект непосредственного разговора. Язык героев сочетает элементы просторечия и детской речи, что придает повествованию реалистичность и сближает его с формой устного рассказа. Разговорный синтаксис передан через короткие реплики и перебивающие друг друга вопросы:

- Къайдан бола. Арив туршу. Къоркъма. Мен оьлмейген сен де оьлмессен.
- Бу чу кычытдыра!
- Кычытдырмас мени йимик укъалап ашасанг [5. С. 17–18].
- С чего бы! [Совсем не горькое], а приятно-кислое. Не бойся. Раз я не умер — и ты не умрешь.
- Ой, жжет!
- Не будет жечь, если, как я, хорошенько разомнешь перед тем, как съесть.

Важной деталью национального колорита становится упоминание традиционного дагестанского блюда «курзе»¹, начиненного крапивой. Комизм усиливается в финале: Петя с восторгом хвалит его вкус: «Очень вкусное курзе!» («Энсиз татывлу кюрзе!»), не подозревая, что блюдо приготовлено из той самой жгучей крапивы. Рассказчик предстает настойчивым, смекалистым и простодушным мальчиком, стремящимся поделиться с другом особенностями родного быта.

Тема жизни сельской семьи продолжается в рассказе М.-С. Яхьяева «Колыбель» («Бешик»), где через комическую ситуацию раскрывается детское восприятие мира. Мальчик рассказывает, как остался дома с шестимесячным братом Камилем и, подражая взрослым, пытался уложить его спать. Простая анекдотическая сцена превращается в рассказ о первых шагах к ответственности и заботе о младшем.

В речи рассказчика сохраняются особенности устного повествования: обращения к воображаемому слушателю: «Счастливцев тот, чей младший брат не плакса!» («Насипли гишини йылавуц иниси болмас!»), «реально говорю» («гертилей айтаман»), «вам, наверно, он так не досаждал» («сиз ону балагъын гёрмегенсиздир»), разговорные конструкции и эмоциональная синтаксическая интонация: «Если мама узнает, что я его оставил и ушел, изобьет до неузнаваемости!» («Абам мен къоюп гетгенни билсе, туюп гъанкю ийисимни чыгъаражакъ!»). Это создает ощущение непосредственного рассказа.

Комизм возникает из столкновения детской логики с реальными обстоятельствами. Герой серьезно пытается действовать «как взрослый», однако каждое его усилие приводит к неожиданному результату. Показателен эпизод, когда мальчик, пытаясь успокоить младенца, предлагает ему свой палец вместо пустышки: «Положил ему палец в рот... А он неожиданно так откусил его!» («Бармагъымы авзуна салдым. <...> Шо арада бирден хабып йибермесми!») [5. С. 28].

Чередование коротких эмоциональных фраз и восклицаний: «Ну и голос у него, ну и голос!» («Огъ, бир тавушу бар, тавушу!»), «Теперь я понял, отчего плачешь!» («Гъали билдим неге йылайгъанынгны!»), «Что ты делаешь, одурел?» («Не этесен, авлия болгъанмысан!») — передает темперамент рассказчика.

Фольклорный мотив проявляется в сцене, где герой, не сумев успокоить брата, пытается напугать его: «Угомонись! Вон, придет волк!» («Тын! Она, бёрю геле!»). Подобный прием широко распространен в народных методах воспитания: образ волка служит способом внушить ребенку послушание. Элемент народной традиции присутствует и в эпизоде, когда младшая сестра, взяв на руки плачущего ребенка, начинает напевать колыбельную, подражая матери.

Эмоциональные реакции старшего брата на бесконечный плач Камилля переданы через разговорную речь, насыщенную народными выражениями и преувеличениями: «Упаси Аллах от того, чтобы спустить его с рук на землю. Он своими криками все село соберет!» («Ону къолдан

¹ Курзе — национальное блюдо Дагестана; хинкали, напоминающие пельмени или манты. — Примеч. ред.

ерге салырдан чы Аллагъ сакъласын. Акъырып, юртну жыяжакъ!»). В другом месте он восклицает: «Ты посмотри-ка, какой хитрый!» («Гылласына къара шу жанны!»), «Червяк и то поспокойнее тебя!» («Хурт чакъы тынч турмайсан!»). Когда брат хмурится, рассказчик замечает: «Каким же злюкой ты вырастешь» («Нече де ачувлу гиши болажакъ сенден»). А в конце, уже смирившись с его беспокойством, произносит почти с нежностью: «Посмотри на него!» («Къара шу жангъа!»).

Финальная реплика героя: «Йылавуч яшлар гъакъыллы бола дейген герти буса ярай» («Наверное, правильно утверждение о том, что плаксы бывают умными») — завершает рассказ ироничной народной мудростью.

Рассказы М.-С. Яхьяева не только воспроизводят фольклорную поэтику, но и продолжают ее воспитательную миссию, утверждая национальные нравственные идеалы в доступной детям художественной форме.

Рассказ «Заноза» («Тегенек») повествует о мальчике по имени Камал, который все лето разгуливал босиком, а если бы была такая возможность, то и зимой ходил бы босой. Однако мальчика ничего не смущало до тех пор, пока он не начал хромать. После неудавшейся попытки друга помочь Камал обращается за помощью к матери, но страх перед болью мешает ему вытерпеть процедуру, и мама не может избавить его от занозы и накопившегося гноя. Тогда она прибегает к народному поверью:

- Авлия, ону ичиндеги тегенекни чыгъармаса не болагъанны билемисен?
- Не бола?
- Терек битежек таманынга...
- Терек?! — деп Камал адап кълды. — Нечик, не терек... [5. С. 49].
- Дурачок, разве ты не знаешь, что случится, если не достать эту занозу?
- А что случится?
- Из твоей пятки вырастет дерево...
- Дерево?! — поразился Камал. — Это как, какое еще дерево...

В рассказе М.-С. Яхьяев использует фольклорный мотив народного поверья, придающий повествованию национальный колорит. Обыкновенная ситуация — заноза в ноге мальчика — превращается в целую драму. Этот элемент народной фантазии восходит к представлениям, согласно которым тело, пораженное острым предметом или с предметом, «внедрившимся внутрь», может восприниматься как место возможного «прорастания». Так, например, ребенок, случайно проглотивший арбузную косточку, мог быть убежден, что у него в животе вырастет большая ягода.

Для того чтобы убедить непоседливого героя в необходимости удалить занозу, мать напоминает ему рассказ о человеке, о котором часто говорят в народе: в его животе якобы выросло дерево из-за того, что он вовремя не вытащил занозу. Камал, испугавшись, воспринимает слова матери буквально и представляет, как в его ноге вырастает дерево. Однако писатель не высмеивает мальчика. Напротив, он показывает, насколько живуча и поэтична народная фантазия и как тесно она связана с детским воображением. Таким образом, через фольклорный мотив занозы автор передает не только комизм ситуации, но и атмосферу народного мировидения, где миф, страх и забота переплетаются.

Фольклорные традиции проявляются и в рассказе «Один на один» («Бирге бир»). На примере мальчишеского соперничества автор, используя гиперболу, живую разговорную речь, многоголосье толпы и гротескные столкновения собак и мальчиков, создает сюжет, в котором обычный дворовой спор между детьми приобретает нравоучительный характер.

Используя пустяковый спор мальчиков о силе их собак, автор разворачивает повествование в сторону нарастающего абсурда, превращая мальчишеское хвастовство в своеобразное зрелище. С самого начала задается динамичный тон: разговор между Али и Вали строится на резких репли-

ках, характерных для устной среды: «Ври давай!» («Бас ялгъанны!»), «Твой Япсар ничего из себя не представляет!» («Бир зат да этеген тююл шо сени Япсарын!»), «Давай поглядим, чья [собака] убежит!» («Къарайыкъ кимники къача экен!»), «Посмотрим!» («Къарайыкъ!»), «А ну, отпуская!» («Гъа, йибер!»), «Ты отпуская!» («Сен йибер!»). Их бравада, основанная на гиперболе и быстрой смене эмоциональных интонаций, создает ощущение живой устной стихии.

По мере развития конфликта словесная перепалка переходит в столкновение собак, становящееся зрелищем для проходящих мимо людей. Ситуация осложняется тем, что противостояние перерастает в драку между самими хозяевами животных. И чем яростнее персонажи стремятся доказать свое превосходство, тем бессмысленнее становится состязание.

В фольклоре животное часто символизирует силу своего хозяина, перенимая его дух и характер. Однако у М.-С. Яхьяева этот мотив обретает гротескную форму: животные ведут себя хаотично и непредсказуемо, разрушая мальчишеские представления о собственной «мощи».

Речь героев полна обрывистых команд и эмоциональных выкриков: «Ну, бей!» («Гъы, бас!»), «Держи его!» («Тут шону!»), «Бей!» («Ур!»), «Не троньте!» («Тиймеги!»). Вокруг собирается толпа наблюдателей, чьи возгласы создают атмосферу коллективного участия. Завершается спор «ничьей», к чему приходят сами герои, а финальный смех очевидцев снимает напряжение и завершает рассказ в духе устного повествования.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что М.-С. Яхьяев умело использует в своих юмористических рассказах фольклорные традиции кумыкского устного рассказа: ситуационный комизм, бытовую конкретику, диалогичность, гиперболизацию, обращения к слушателю и лаконизм, которые получают у автора новое литературное выражение, не теряя своей связи с живой устной речью.

Стилевое своеобразие рассказов проявляется в сохранении устной интонации, эмоционально насыщенной разговорной речи, повторов и идиоматических выражений. Это придает текстам подлинность и позволяет воспринимать их как продолжение традиций устного юмористического рассказа, художественно адаптированного к современной литературной системе.

Таким образом, творчество М.-С. Яхьяева представляет собой пример художественно обработанного фольклорного материала, в котором объединены народный юмор и детская наивность с целью сохранить и передать ценности национальной культуры.

Литература

1. Морохин В.Н. Прозаические жанры русского фольклора. М.: Высшая школа, 1977. 296 с.
2. Гусев В.Е. Эстетика фольклора. Ленинград: Наука, 1967. 320 с.
3. Кузьмичев И.К. Жанровая природа сказа. Русская народная поэзия // Филологические записки Горьковского университета. 1961. № 1. С. 29–92.
4. Аджиев А.М. Устное народное творчество кумыков. Махачкала: ДНЦ РАН, 2005. 427 с.
5. Яхьяев М.-С. Непоседа = Тынчтурмас. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1963. 114 с.

References

1. Morokhin V.N. Prozaicheskie zhanry russkogo fol'klora. Moscow: Vysshaia shkola, 1977. 296 s.
2. Gusev V.E. Estetika fol'klora. Leningrad: Nauka, 1967. 320 s.
3. Kuzmichev I.K. Zhanrovaia priroda skaza. Russkaia narodnaia poeziia // Filologicheskie zapiski Gor'kovskogo universiteta. 1961. No. 1. S. 29–92.
4. Adzhiev A.M. Ustnoe narodnoe tvorчество kumykov. Makhachkala: DNTs RAN, 2005. 427 s.
5. Iakhiaev M.-S. Neposeda = Tynchturmas. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 114 s.

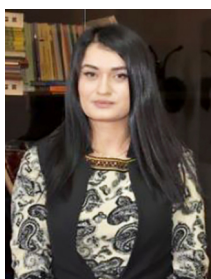

Султанмуратов Агарагим Магомедович,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий отделом фольклора
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук (Махачкала, Россия)

Sultanmuradov Agaragim M.,
Candidate of Philology, Docent, Head of the Folklore Department
G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of
the Dagestan Federal Research Center of
the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)

<https://orcid.org/0009-0001-9370-516X>

e-mail: ansaraga@mail.ru

Бекеева Айгуль Муратовна,
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук (Махачкала, Россия)

Bekeeva Aigul M.,
Candidate of Philology, Research Associate
G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of
the Dagestan Federal Research Center of
the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-2318-3917>

e-mail: bekeeva-92@mail.ru

Статья поступила: 01.03.2026

Принята к печати: 26.04.2026